

печальное положеніе просвѣщенія болгаръ, на недостатокъ школъ; вдумчиво подмѣтилъ и указалъ, что хорошо организованная іерархія устранила бы это зло, но архіерейскія кафедры турецкое правительство сдѣлало продажными, онѣ стали орудіемъ его политики; онъ увидѣлъ не только греческое засиліе, но и понялъ опасность для болгаръ латинской пропаганды.

Путешествіе Венелина по Болгаріи, предпринятое при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, когда страна еще не оправилась отъ военныхъ дѣйствій, было непродолжительно (съ іюля до половины сентября), ограничивалось небольшой сравнительно частью придунайской-болгарской области по нижнему Дунаю и не могло поэтому дать результатовъ особенно значительныхъ и надежныхъ. Филологическіе труды его (напр., болгарская грамматика, которую онъ смѣло взялся составить по порученію Академіи) не встрѣтили въ академическомъ кругу снисходительной оцѣнки, какъ не удостоились признанія и его позднѣйшіе историческіе опыты. Только одинъ Погодинъ горячо отстаивалъ своего друга и искалъ для него покровительства и защиты; не столько потому, что былъ увѣренъ въ высокой цѣнности его трудовъ, сколько потому, что понималъ значеніе его пионерской дѣятельности.

Въ одномъ письмѣ къ Пушкину (12 апр. 1833 г.) Погодинъ обращается къ недавно избранному (7 янв. 1833 г.) въ члены Россійской Академіи поэту съ просьбой о заступничествѣ за Венелина: „Полтора года онъ работалъ (въ Болгаріи и Румыніи) среди чумы, холеры, горячки, лихорадки и варварства греческаго, болгарскаго, волошскаго и иныхъ, былъ боленъ, умиралъ etc. Привезъ добычу въ Москву и занялся обработываніемъ; прося Россійскую Академію чего нибудь ежемѣсячно или ежегодно на хлѣбъ, квасъ и сапоги“... Академія съ холоднымъ равнодушіемъ оставляла безъ вниманія его просьбу, и Погодинъ просилъ Пушкина посмотрѣть въ засѣданіи Академіи собранія Венелина: „тогда вы восчувствуете величину труда“. „Надо подкрѣпить, ободрить этого человѣка, а онъ бываетъ въ отчаяніи“, писалъ Погодинъ и заключалъ свою просьбу къ Пушкину: „Похлопочите во имя Божіе, для пользы общей“. Пушкинъ присутствовалъ въ засѣданіи Академіи 4 февраля 1833 г., когда было заслушано письмо Венелина съ приложеніемъ влахоболгарскихъ грамотъ. Поэтъ давно проявлялъ интересъ къ Славянству, и вѣроятно не безучастно принялъ просьбу Погодина.

Прекрасную оцѣнку дѣятельности Венелина сдѣлали московскіе болгары въ надписи на надгробномъ памятникѣ его на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря; поставивъ Венелину въ за-